

Научная статья

УДК 343.911

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).18-29

ПРЕСТУПНОЕ ЛИДЕРСТВО: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

В.В. Меркурьев¹, П.В. Агапов¹, С.В. Кондратюк², В.Ю. Тарасов³

¹ Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

² Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация

³ МИРЭА — Российский технологический университет, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

26 октября 2021 г.

Дата принятия в печать

18 февраля 2022 г.

Дата онлайн-размещения

11 марта 2022 г.

Ключевые слова

Преступная иерархия; преступный лидер; криминальная субкультура; предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии

Аннотация. С применением конкретно-социологического метода (анкетирования) исследовано общественное мнение о феномене преступного лидерства. Вопросы анкеты сформулированы с учетом научных рекомендаций по обеспечению репрезентативности и достоверности результата. По ключевым вопросам анкеты установлено различие позиций относительно возрастных групп анкетированных. Большинство респондентов связывают рассматриваемый феномен с организованной преступностью. Авторитет преступного лидера базируется на криминальных традициях, укоренившихся в обществе. Существенно разнятся мнения относительно причин существования преступной иерархии. Представители молодежи считают, что на занятие преступными лидерами высшего положения в преступной иерархии влияют социально-культурологические факторы, а люди старшего поколения называют экономические причины. Однако понятно, что указанные причины вызваны недостатками работы правоохранительной системы, в том числе и по правовому воспитанию населения. Особую озабоченность вызывает постоянное обновление преступных сообществ за счет привлечения молодежи. В распоряжении преступного лидера находятся средства управления материальными и кадровыми ресурсами. Такой лидер осуществляет общественные функции управления, нормотворчества, наказания. Существование преступной иерархии обуславливает расширение преступной деятельности. В общественном сознании закрепился образ преступного лидера как лица, обладающего знаниями, организаторскими способностями и волевыми качествами. К типичным признакам поведения респонденты относят применение насилия, проявление стяжательства, демонстративное пренебрежение нормами общественной морали. Распространенностью характеризуется мнение о взаимосвязи преступного лидерства с коррупцией. Преступными лидерами поддерживается криминальная субкультура, так как ее широкое проникновение в общество (например, движение АУЕ) создает предпосылки для укрепления влияния преступных лидеров в нем. Такое влияние проявляется в распространении ложных моральных ценностей, создании атмосферы неуверенности и страха, поощрении противоправного поведения. Большинство респондентов сходятся во мнении, что необходимо пресекать деятельность преступных лидеров. Результаты анкетирования подтвердили актуальность совершенствования профилактической работы по предупреждению занятия преступными лидерами высшего положения в преступной иерархии. Меры по предупреждению рассматриваемого преступления должны иметь экономическое, социальное и культурологическое направления.

Original article

CRIMINAL LEADERSHIP: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH**

Viktor V. Merkuriev¹, Pavel V. Agapov¹, Sergey V. Kondratyuk², Vladimir Yu. Tarasov³

¹ University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

² Togliatti State University, Togliatti, the Russian Federation

³ MIREA — Russian Technological University, Moscow, the Russian Federation

* Статья подготовлена на основе доклада на тему «Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии» (п. 32 Плана работы Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации на 2021 г.) во исполнение поручения Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

** The article is based on the report «Counteracting the organizational activities of persons who occupy the highest positions in the criminal hierarchy» (item 32 in the Work Plan of the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for 2021) pursuant to the request of the Chief Criminal Court Department of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Article info

Received
2021 October 26
Accepted
2022 February 18
Available online
2022 March 11

Keywords

Criminal hierarchy; criminal leader;
criminal subculture; prevention of
occupying the highest position in the
criminal hierarchy

Abstract. The authors use the specific sociological method (questionnaire) to research public opinion regarding the phenomenon of criminal leadership. The questions were formulated using research recommendations to ensure representative and reliable results. It was established that differences in the positions regarding the key questions of the survey were connected with the age of respondents. Most respondents link the phenomenon under consideration with organized crime. The influence of a criminal leader is based on established criminal traditions. The opinions regarding the causes of the existence of criminal hierarchy differ greatly. Younger people believe that taking a top place in the criminal hierarchy is linked with socio-cultural factors, while older people name economic reasons. It is clear, however, that the abovementioned reasons are connected with inefficiencies in the work of law enforcement, including the work on the legal education of citizens. A constant inflow of young people in criminal communities is a special concern. A criminal leader has material and human resources at his disposal. Such a leader exercises the functions of management, rule setting, punishment. The existence of the criminal hierarchy leads to the widening of criminal activities. The public image of a criminal leader is that of a person with knowledge, organizational skills and a strong will. Typical behavioral characteristics are the use of violence, mercenary behavior, open disregard for the norms of public morals. The opinion that criminal leadership is connected with corruption is quite common. Criminal leaders support the criminal subculture, as its infiltration in the society (for example, the AUE movement) creates conditions for strengthening the influence of criminal leaders on it. This influence is manifested through the spread of false moral values, the atmosphere of insecurity and fear, the encouragement of unlawful behavior. Most respondents agree that the activities of criminal leaders should be curtailed. The survey results proved the urgency of strengthening the work to prevent criminal leaders from taking the top position in the criminal hierarchy. The prevention measures should be of economic, social and cultural character.

Постановка проблемы и цель исследования

Феномен преступного лидерства привлекает внимание отечественного законодателя в связи с задачей уголовного преследования лиц, осуществляющих руководство преступным сообществом (ст. 210 УК РФ), а также занимающих высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) [1; 2; 3, с. 47]. Преступное лидерство взаимосвязано с организованной преступностью, что определяет повышенную общественную опасность деяний указанного вида [4, с. 115; 5; 6]. Сложившееся в обществе отношение к феномену преступного лидерства определяет степень влияния руководителей преступных групп и лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, на различные сферы жизни [7; 8]. Выявив элементы общественного сознания, способствующие укреплению преступного лидерства, можно осуществлять действенные меры по противодействию организованной преступности и распространению преступной идеологии в обществе [9, с. 183; 10; 11]. Следует отметить, что в специальной литературе отсутствуют работы по анализу социологических аспектов преступного лидерства. Сказанное определяет актуальность изучения заявленной проблемы. Цель исследования заключается в выявлении доминирующего в обществе отношения к преступному

лидерству и к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Методика исследования

Многие отечественные криминологи используют социологические подходы к анкетированию различных слоев населения и интерпретации результатов проведенных опросов [12, с. 86]. В настоящей работе авторы опирались на материалы проведенного конкретного социологического исследования с использованием интернет-технологии, позволившей охватить максимально широкий круг специалистов-криминологов, педагогов, студентов и других респондентов, имеющих представление о лидерах криминальной среды и интересующихся проблемами борьбы с организованной преступностью [13]. На вопросы специально разработанной авторами анкеты респонденты ответили в онлайн-формате. Поскольку преступное лидерство, а также занятие высшего положения в преступной иерархии связаны с организованной преступностью, то в ходе исследования, чтобы не допускать множественности трактовок [14], данные понятия в содержании вопросов анкеты были объединены.

Предметом изучения является общественное мнение о преступных лидерах и их криминальной деятельности.

Обсуждение

Исследование базируется на гипотезе, что преступное лидерство предполагает формирование преступной идеологии, внедрение криминальной субкультуры в массовое сознание и оправдание отдельных проявлений преступной деятельности [15; 16; 17, с. 36]. Феномен преступного лидерства рассмотрен в аспекте его влияния на общество [18; 19; 20, с. 53].

Поставлены соответствующие задачи исследования мнения респондентов о воздействии криминальных лидеров на социально-психологическую атмосферу в обществе [21]. Также анкетирование направлено на изучение общественного мнения о необходимости дальнейшего совершенствования мер криминологического предупреждения занятия высшего положения в преступной иерархии [22].

Общее количество участников интернет-анкетирования — 521 чел. Исследуемая аудитория имеет приблизительно равное гендерное распределение (53 % — мужчины, 47 % — женщины). Среди опрошенных 60 % — респонденты в возрасте от 18 до 25 лет; 13 % — участники в возрасте 26–35 лет; 16 % — представители возрастной категории 36–45 лет; 11 % — люди старше 45 лет. Участников опроса характеризует высокий образовательный статус: 82 % опрошенных получили либо получают высшее образование. Из всех участников анкетирования 42 % имеют постоянную работу, 10 % — временную. По роду деятельности респонденты распределены следующим образом: 47 % — студенты и учащиеся; 22 % — специалисты с высшим образованием; по 5 % — руководители высшего и среднего звена, государственные (муниципальные) служащие; 4 % — квалифицированные рабочие; 3 % — предприниматели; 2 % — безработные; 4 % — служащие без высшего образования, неквалифицированные рабочие, неработающие пенсионеры.

Так, можно видеть, что состав участников анкетирования типичен для интернет-аудитории, в которой велика доля молодежи с высоким образовательным уровнем.

Вопросы анкеты распределены по пяти направлениям:

- социальные предпосылки организованной преступности;
- социальные характеристики лидеров криминальных сообществ;
- влияние криминальной субкультуры на общество;

— влияние лидеров преступных групп на современное общество;

— предупреждение занятия лидерами высшего положения в преступных сообществах.

Вопросы составлены по рейтинговому принципу, т.е. предлагаются варианты ответов в соответствии с уровнем их значимости. По смыслу некоторые варианты ответов пересекались для различных вопросов с целью контроля достоверности заполняемых анкет. В большинстве вопросов предусмотрена возможность высказать собственное мнение. Очевидно, что такие результаты могут послужить материалом для новых направлений исследования заявленной проблемы [23].

В соответствии с вопросами первого блока, участникам анкетирования нужно было указать предпосылки для существования организованной преступности в современном обществе. Ответы распределились следующим образом: 47 % респондентов основной предпосылкой считают низкую правовую культуру населения; 44 % отмечают, что предпосылкой являются недостатки работы правоохранительной системы; 42 % назвали предпосылкой необходимость координации нелегального бизнеса; 40 % анкетруемых видят такие предпосылки в недостаточной работе с молодежью по предупреждению преступности; 39 % участников опроса считают, что организованная преступность вызвана необходимостью поддержки и защиты преступников в местах лишения свободы; 38 % респондентов связывают распространение организованной преступности с деятельностью лидеров преступных групп; 31 % указывают на недостатки законодательства по пресечению деятельности преступных групп; 28 % в качестве предпосылки выделяют возможность рецидива преступлений; 2 % не смогли ответить на вопрос.

Из всех опрошенных представители возрастной группы 18–25 лет чаще, чем другие респонденты, отмечают низкую правовую культуру населения; участники анкетирования в возрасте старше 25 лет наиболее часто указывают на недостатки законодательства и работу правоохранительных органов.

Интересно, что 6 % респондентов, высказавшись в графе «другое», к предпосылкам отнесли «коррупцию на всех уровнях власти», «тотальную коррумпированность общества», «чиновников, обманывающих и обкрадывающих народ, вынуждая его не верить в законы и преступать их» и т.п. Некоторые респонденты акцентиро-

вали внимание на конкретных сферах общественной жизни, в которых находят проявление организованные формы противоправного поведения: «вся система образования — преступное криминальное сообщество: взятки, отмывание денег и пр.»; «полиция не внушает доверие»; «сращивание властных структур с преступностью»; «покровительство свыше» и т.п.

Кроме того, в качестве предпосылок организованной преступности были отмечены социально-экономические факторы: «низкий уровень доходов населения, а проще — бедность»; «недостаточное внимание к проблеме со стороны властей или их бездействие, сильное классовое расслоение»; «у людей все меньше возможностей зарабатывать себе на жизнь честным трудом»; «социально-экономический строй в виде капитализма и, как следствие, отсутствие какой-либо мотивации у населения, кроме корыстной или эгоистической»; «высокий уровень расслоения общества по доходам» и т.п.

Между тем некоторые респонденты высказали сомнение в существовании организованной преступности в современной России: «разве преступный мир еще существует?»; «сегодня под понятие ОПГ часто попадают группы лиц по предварительному сговору».

В некоторых анкетах отмечен слабый уровень противодействия государственных органов организованной преступности: «государство не ставит задачей активное противодействие организованной преступности»; «сил и средств противодействия достаточно, нужна политическая воля»; «отсутствие профилактики и работы участкового, участковый занят никому не нужным заполнением целого вороха бумаг».

В приведенных формулировках можно усмотреть социальное «одобрение» организованной преступности, терпимое отношение к преступной иерархии.

На вопрос «Как Вы считаете, как изменяются масштабы преступных сообществ в наше время?» были получены следующие ответы: 51 % респондентов считают, что количество участников преступных сообществ увеличивается; 19 % полагают, что численность членов преступных сообществ уменьшается; 16 % отмечают, что этот показатель не меняется; 14 % респондентов не смогли ответить на вопрос.

С данными результатами корреспондирует мнение о расширении границ преступных сообществ. Такого взгляда придерживаются 44 % респондентов; 12 % утверждают, что географи-

ческие границы преступных сообществ уменьшаются; 27 % опрошенных считают, что они не меняются; 17 % затрудняются ответить на этот вопрос.

Интересно отметить, что мнение о расширении границ преступных сообществ чаще выражают респонденты в возрасте старше 25 лет (55 %, что на 11 % превышает результаты опроса по массиву).

Вопрос о географических границах дополнен вопросом об изменении количества преступных сообществ: 45 % респондентов считают, что число преступных сообществ увеличивается; 21 % опрошенных полагают, что количество преступных групп уменьшается; 18 % участников анкетирования считают, что этот показатель не меняется; 16 % респондентов не смогли ответить на поставленный вопрос.

Отмечаем сопоставимость полученных ответов с данными по предыдущему вопросу. Этим подтверждается достоверность результатов анкетирования.

Участникам анкетирования был задан вопрос: «Какое значение для лидерства в преступных сообществах, по Вашему мнению, имеет связь с нелегальным бизнесом (проституция, азартные игры, торговля наркотиками, оружием и т.д.)?» Согласно полученным данным, 55 % респондентов считают значимой такую связь; 33 % опрошенных отмечают, что эта связь является скорее значимой (т.е. 88 % опрошенных придерживаются мнения о наличии связи между организованной преступностью с нелегальным бизнесом); 8 % респондентов не считают эту связь значимой, а 4 % опрошенных испытали затруднения при ответе на вопрос.

Таким образом, результаты опроса о предпосылках организованной преступности показывают, что примерно половина респондентов отмечает низкую правовую культуру населения, недостатки работы правоохранительной системы, а также осуществление лидерами криминальной среды координации нелегального бизнеса. Примерно 40 % опрошенных указывают на недостатки работы с молодежью по предупреждению преступности, на необходимость поддержки и обеспечение безопасности осужденных в местах лишения свободы со стороны преступных сообществ. В качестве причины организованной преступности, которую участники опроса выделили самостоятельно (в варианте «другое»), названа коррупция, которая пронизывает различные сферы жизни общества.

Респонденты также отмечали социально-экономические причины организованной преступности: низкий уровень жизни, расслоение общества. Примерно половина участников считает, что организованная преступность в современном обществе — это динамично развивающееся явление, которое расширяет географические границы своего влияния и вызывает увеличение количества преступных групп и числа участников в них. Все это подчеркивает актуальность изучения темы лидерства в преступных сообществах с целью противодействия этому явлению.

По второму направлению анкетирования был сформулирован вопрос: «Чем обусловлен, по Вашему мнению, авторитет лидеров преступных сообществ?» Ответы респондентов распределились следующим образом: 60 % опрошенных считают, что авторитет лидера зависит от связи с легальными структурами (бизнес, власть, правоохранительные органы и т.п.); примерно столько же указывают, что он базируется на доступе к финансовым ресурсам преступной организации; 47 % опрошенных полагают, что положение лидера преступной группы обусловлено способностью договариваться с представителями других преступных сообществ; 46 % считают, что авторитет лидеров связан с традициями преступного мира; 43 % респондентов полагают, что он основан на культе собственной личности в преступном сообществе; 38 % связывают авторитет лидеров с руководством нелегальным бизнесом; 27 % респондентов считают, что авторитет преступных лидеров базируется на преступной иерархии (руководители и исполнители); 20 % опрошенных объясняют авторитет таких лиц формированием позитивного образа преступного лидера в общественном сознании.

Незначительная часть респондентов (2 %) предложила «другой» вариант ответа. По их мнению, к основным личностным характеристикам преступных лидеров относятся: «личностные особенности (это самое важное)»; «сопротивление государственному насилию и беспределу чиновников»; «создание образа, видимости благородного поведения, хотя фальшь в этом случае быстро проявится, в результате чего утратится и авторитет»; «эффективность и скорость применяемых мер ответственности к нарушителям, быстрое решение проблем».

Отмечаем возрастное распределение мнений о факторах авторитетности лидеров преступных сообществ. Представили возрастной группы от 18 до 25 лет в числе таковых чаще от-

мечают способность договариваться, создание культа собственной личности, руководство нелегальным бизнесом, неравное распределение ролей в преступном сообществе (руководители и исполнители). Представители старшей возрастной группы выделяют традиции преступного мира и формирование позитивного образа преступного лидера в общественном сознании.

Ответы на вопрос «Что характеризует преступное поведение лидера преступного сообщества?» распределились следующим образом: 68 % респондентов считают таких лидеров инициаторами коррупционных действий, которые осуществляются путем использования финансовых ресурсов для подкупа; 58 % выделяют в поведении лидера преступного сообщества такой признак, как применение насилия; 52 % указывают на стремление лидера к наживе, стяжательству; 49 % отмечают пренебрежение нормами общественной морали; порядка 30 % респондентов обращают внимание на то, что для преступных лидеров характерны антиобщественные формы поведения (употребление алкоголя, наркотиков, азартные игры), а также распространение идей ненависти и вражды.

В вариантах ответа «другое» респондентами отмечены: «следование традициям преступного мира», «личностные особенности (умение работать в группе и вести ее за собой, распределение обязанностей, пресечение недовольства членов группы, четкое следование цели и др.)»; «организационно-распорядительный характер действий лидера, его роль арбитра в конфликтных ситуациях»; «напускная порядочность, соблюдение принципа «зуб за зуб», контроль за поддержанием дисциплины в сообществе»; «соблюдение библейских заповедей, общественных устоев вкупе с преступной деятельностью»; «справедливость и честность по отношению к членам ОПГ».

Отмечаем различия во мнениях по данному вопросу представителей возрастных групп. Участники опроса в возрасте от 18 до 25 лет чаще отмечали, что для лидера преступных сообществ характерно распространение идей ненависти и вражды, антиобщественные формы поведения (употребление алкоголя, наркотиков, азартные игры и т.д.), использование насилия для устрошения различных социальных групп.

По результатам анкетирования можно видеть, что в общественном сознании сложился определенный портрет преступного лидера, обладающего социально одобряемыми личностными качествами.

На вопрос «Что выступает основанием для приобретения лидером высшего статуса в преступном сообществе?» были даны следующие ответы: 67 % опрошенных указали на авторитет среди «высшего слоя» преступного мира; 64 % назвали способность «оказывать влияние, подчинять своей воле других людей», а также «организовывать каналы криминального бизнеса»; 37 % отмечают такое основание, как неоднократное отбывание уголовных наказаний; 32 % опрошенных считают, что следование традициям преступного мира также может выступать основанием для приобретения лидером высшего статуса в преступном сообществе; 21 % выделили в этом качестве авторитет в определенной этнической группе; 3 % опрошенных затруднились ответить на вопрос.

Отметили вариант «другое» 2 % участников, среди ответов встречались следующие формулировки: «волгоградский авторитет Кадин даже ни разу не сидел»; «самое основное — это личность: незаурядная, с изюминкой, крепкая, стойкая, властолюбивая»; «связь с государственными органами»; «бывает, что решают крупные суммы денег, при этом авторитет не имеет значения»; «обязательно контакты во властных структурах, в том числе в правоохранительных»; «природные данные».

Отметим возрастные различия мнений по указанному вопросу. Так, опрашиваемые старше 25 лет чаще отмечают следование традициям преступного мира, в то время как респонденты в возрасте от 18 до 25 лет обращают внимание на авторитет среди рядовых членов преступного сообщества, а также способность оказывать влияние, подчинять своей воле других людей.

Варианты ответов на вопрос «Какие признаки свидетельствуют о высшем положении лидера в преступном сообществе?» распределились следующим образом: 81 % участников опроса указали на возможность устанавливать свои нормы и правила в преступном сообществе; 45 % респондентов отметили в качестве признака высокого статуса в криминальном сообществе охрану, обеспечение безопасности путем организации специальных подразделений; 38 % характерной чертой высокого статуса в преступной группе видят создание атмосферы добровольного подчинения; 28 % выделяют такой признак, как внешне законопослушное поведение лидера преступного сообщества; 26 % опрошенных считают, что на высшее положение лидера указывают использование «роскошных

вещей», организация богатых застолий; 25 % респондентов важным признаком высокого статуса преступника называют наличие татуировок, специальных атрибутов власти; 24 % участников опроса ответили, что это может быть прохождение ритуала посвящения в лидеры преступного сообщества; 3 % не смогли ответить на вопрос; 2 % отметили вариант «другое».

Ритуальность приобретения лидерского положения в преступном сообществе чаще подчеркивают опрашиваемые старше 25 лет.

Таким образом, анализ результатов анкетирования о факторах, которые определяют авторитет преступных лидеров, показывает, что примерно половина опрошенных отмечает значимость связей с легальными структурами, доступа к финансовым ресурсам преступной группы, а также способность договариваться. Для завоевания авторитета лидерами преступных сообществ важны традиции преступного мира, создание культа собственной личности в преступном сообществе. Среди вариантов «другое» участники опроса отмечали также личные характеристики лидеров, такие как знания, интуиция, воля. Поведение такого лидера характеризуется использованием финансовых ресурсов для подкупа должностных лиц, применением насилия, стремлением к наживе, стяжательству, пренебрежением нормами общественной морали. Высший статус лидера преступного сообщества базируется на авторитете в преступном мире, который зависит от способности оказывать влияние, подчинять своей воле других людей, умения организовать преступный бизнес и руководить им. Признаком высшего статуса в преступном сообществе является установление лидером собственных норм и правил.

На третьем направлении исследования изучалось влияние криминальной субкультуры на общество. Участникам был задан вопрос: «Какие элементы криминальной субкультуры, по Вашему мнению, оказывают влияние на общественное сознание?» Оценка уровня влияния проводилась по пятибалльной шкале (5 баллов — сильное влияние, 1 балл — слабое, ответа 0 баллов не было). Мнения респондентов распределились относительно равномерно: 36 % считают, что криминальная субкультура оказывает значительное влияние (4–5 баллов); 23 % оценили этот показатель на 3 балла (средний уровень влияния); 36 % респондентов поставили 1–2 балла (слабое влияние); 8 % опрошенных не смогли найти подходящие для себя варианты ответа.

Оценивалось влияние шести элементов криминальной субкультуры на общество.

1. Способность разрешения конфликтов с помощью силы: 52 % опрошенных отметили, что влияние этого элемента незначительно (1–2 балла); 24 % поставили 3 балла; 11 % считают влияние сильным (4–5 баллов); 2 % не смогли ответить на вопрос. Средняя оценка составляет 2,1 балла.

2. Неуважение к законам со стороны лидеров преступной среды: 65 % оценивают влияние данного элемента на 1–2 балла; 20 % — на 3 балла; 12 % считают влияние сильным; 2 % респондентов не определились с ответом на данный вопрос. Средняя оценка влияния неуважения к законам на общественное сознание составляет 2 балла.

3. Недоверие к сотрудникам правоохранительных органов: 56 % опрошенных поставили 1–2 балла, считая влияние этого элемента слабым; 21 % оценили его на 3 балла; 19 % указывают на сильное воздействие данного элемента; 4 % респондентов не дали ответ. Средняя оценка влияния недоверия к сотрудникам правоохранительных органов составляет 2,2 балла.

4. Страх перед бывшими заключенными: 37 % опрошенных отмечают, что этот элемент оказывает слабое влияние (1–2 балла); 25 % считают его средним (3 балла); 27 % поставили 4–5 баллов; 11 % не смогли оценить уровень влияния. Средняя оценка влияния страха перед бывшими заключенными — 2,5 балла.

5. Прославление людей, нарушающих закон: 46 % опрошенных не считают это влияние значительным (1–2 балла); 23 % оценивают его на 3 балла; 23 % указывают, что этот элемент влияет значительно (4–5 баллов); 8 % затруднились ответить на вопрос. Средняя оценка составляет 2,4 балла.

6. Культ всевластия денег и продажности: 73 % считают влияние этого элемента слабым (1–2 балла); 14 % оценили его по среднему значению (3 балла); 13 % отмечают значительное влияние. Средняя оценка составляет 1,9 балла.

Участникам анкетирования был задан вопрос: «Как Вы оцениваете социальный имидж преступных лидеров, который сложился в современной культуре?» Были даны следующие варианты ответов: 5 % респондентов указали, что преступные лидеры имеют положительный образ в современной культуре (герои, которые противостоят системе); 28 % опрошенных считают, что образ преступного лидера ассоции-

руется с имиджем богатых, уважаемых людей, которые в прошлом преступили закон; 26 % утверждают, что лидеры преступных сообществ — это люди, которые связаны с криминалом; 44 % респондентов в целом определяют образ преступного лидера как отрицательный — это преступники, которые заставляют других людей совершать преступления; 6 % не смогли найти для себя подходящего варианта ответа.

Участники опроса в возрастной группе 18–25 лет чаще рассматривают образ лидера преступного сообщества как отрицательный. Количество ответов по этой позиции на 10 % выше, чем в среднем по массиву. Представители старшего поколения считают, что преступные лидеры скрываются за имиджем богатых, уважаемых людей.

Таким образом, согласно полученным сведениям, криминальная субкультура способствует распространению страха перед людьми, отбывшими наказание, а также прославлению людей, нарушающих закон. Данные анкетирования свидетельствуют, что примерно 40 % опрошенных оценивают имидж преступных лидеров как отрицательный (преступники, толкающие других людей на совершение преступлений). Однако порядка 25 % респондентов полагают, что такие лидеры сформировали в культуре имидж «романтичных героев» или «богатых, уважаемых людей».

Исследовано общественное мнение по направлению влияния преступных лидеров на современное общество. На вопрос «Как Вы считаете, какие социальные группы испытывают влияние лидеров преступных сообществ?» получены следующие ответы: 67 % респондентов считают, что такие лидеры оказывают влияние на нелегальный бизнес; 49 % отмечают влияние преступных лидеров на представителей молодежных субкультур; 37 % указывают, что объектом влияния могут быть властные структуры; 35 % участников опроса считают, что такое влияние распространяется на межрегиональные, международные преступные сообщества; 31 % респондентов отмечают, что данному влиянию подвержены работники правоохранительных органов; 26 % допускают влияние таких лиц на легальный бизнес; 5 % опрошенных не смогли ответить на данный вопрос; 2 % отметили вариант «другое».

Некоторые участники опроса характеризовали влияние преступных лидеров на криминальные сообщества следующими выражения-

ми: «в местах лишения свободы особенно четко выражено влияние лидеров преступных сообществ на все категории осужденных»; «преступные сообщества существуют, как правило, там, где есть криминал»; «нелегальный бизнес это и есть часть преступности».

Согласно полученным данным, респонденты старшей возрастной группы чаще отмечают влияние преступных лидеров на нелегальный бизнес (72 %), представителей властных структур (44 %), этнические группировки (39 %), работников правоохранительных органов (36 %) и легальный бизнес (31 %). Опрашиваемые в возрасте 18–25 лет чаще объектом влияния указывают межрегиональные, международные преступные сообщества.

На вопрос «В чем состоит влияние лидеров преступных сообществ на общество в целом?» ответы распределились следующим образом: 69 % опрошенных отметили, что преступные лидеры распространяют коррупцию, подкупая должностных лиц; 69 % также считают, что данные лица поддерживают организованную преступность; 66 % участников опроса полагают, что преступные лидеры развивают нелегальные виды бизнеса; 56 % респондентов указали на распространение лидерами ценностей криминальной субкультуры (пренебрежение законами, культ денег и т.д.); 41 % считают, что такими лицами осуществляется вербовка новых членов преступных сообществ; 32 % полагают, что преступные лидеры поддерживают связи с террористическими, экстремистскими группировками; 29 % респондентов отмечают, что преступными лидерами через СМИ и массовую культуру формируется «романтичный образ» преступника, сильной личности; 2 % опрошенных обозначили, что преступные лидеры создают в обществе атмосферу неуверенности, недовольства социальным порядком.

Следует отметить различия мнений респондентов по данному вопросу в зависимости от возраста. Участники опроса из возрастной группы 18–25 лет чаще указывают, что преступные лидеры поддерживают связи с террористическими, экстремистскими группировками, при этом респонденты, относящиеся к группе старше 25 лет, чаще отмечают, что такие лидеры формируют через СМИ и массовую культуру «романтичный образ» преступника как выдающейся личности.

Таким образом, согласно полученным данным, около 40 % опрошенных считают, что пре-

ступные лидеры оказывают влияние на нелегальный бизнес; 50 % указывают, что объектом влияния становятся представители криминальных молодежных субкультур.

Варианты ответов на вопрос «Какие меры, по Вашему мнению, наиболее эффективны для предупреждения занятия лидерами высшего положения в преступных сообществах?» были следующие: 55 % отметили необходимость повышения эффективности работы по предупреждению преступности среди молодежи; 42 % опрошенных считают, что нужно улучшать профилактическую работу с осужденными; 54 % респондентов полагают, что усилия должны быть направлены на формирование государственной политики по предупреждению противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии; 53 % считают, что требуется повышать качество правоохранительной деятельности по пресечению нелегального бизнеса; 53 % обращают внимание на необходимость совершенствования законодательства, направленного на пресечение противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии; 34 % участников опроса высказали мнение, что через СМИ нужно разоблачать культ преступных лидеров; 30 % указали на важность создания условий для ограничения продвижения лидера в преступной иерархии; 6 % не смогли ответить на вопрос.

Обратим внимание на различия мнений между возрастными группами по вопросу выбора мер, обеспечивающих предупреждение занятия лидерами высшего положения в преступной иерархии. Представители группы старше 25 лет чаще отмечают важность разработки государственной политики по предупреждению противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, а также профилактической работы с осужденными по предупреждению рецидива. Для опрашиваемых в возрасте 18–25 лет наиболее эффективными методами являются разоблачение через СМИ культа преступных лидеров, ограничение продвижения лидера в преступной иерархии. Приведем некоторые высказывания респондентов по данному вопросу: «нужно поднимать социально-экономический уровень населения»; «обеспечить нормальные условия для жизни»; «начинать с организации детского досуга в регионах, повысить уровень доступности кружков и секций»; «формировать нормы морали среди молодежи и детей, контроли-

ровать СМИ, уменьшить количество передач о насилии»; «улучшить программы по работе с людьми, вышедшими из тюрьмы, для предотвращения рецидива»; «многие преступные авторитеты плодятся в так называемых «черных» колониях»; «смертная казнь»; «никакие меры не смогут победить природную предрасположенность к преступлениям».

Таким образом, результаты анкетирования показали существенный разброс мнений относительно действенных мер по предупреждению занятия лидерами высшего положения в преступной иерархии. Примерно 50 % респондентов подчеркивают важность повышения эффективности работы по предупреждению преступности среди молодежи, а также среди лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Значительная часть респондентов указала на важность пресечения нелегального бизнеса.

Необходимость профилактической работы по предупреждению рецидива преступлений среди лиц, отбывших срок лишения свободы, отмечалась примерно в полтора раза реже, чем другие меры. Участники анкетирования указали на важность оздоровления социально-психологической атмосферы в обществе в плане формирования позитивной системы ценностей.

Выводы

Использование метода конкретно-социологических исследований в уголовном праве позволяет получить наиболее полное, объективное представление по вопросу занятия высшего положения в преступной иерархии, так как оно строится на анализе всей совокупности факторов, относящихся к данному явлению. Преступное лидерство тесно связано с проблемой организованной преступности. В общественном сознании оно чаще всего сопряжено с нелегальным бизнесом на фоне низкого уровня жизни населения и роста социального неравенства.

Участники опроса подчеркивают связь преступного лидерства с коррупцией. Причины этого кроются в недостатках работы правоохранительной системы, а также органов публичной власти по правовому просвещению и воспитанию населения. Такое положение способствует воспроизводству численности преступных со-

обществ, в том числе за счет привлечения молодежи.

Преступный лидер, согласно результатам анкетирования, приобретает авторитет благодаря значительным социальным и финансовым ресурсам, имеющимся в его распоряжении. Авторитет лидера основывается на связях с легальными структурами (бизнес, власть, правоохранительные органы), а также зависит от способности договариваться с лидерами других преступных сообществ. Таким образом, авторитет лидера обусловлен возможностью обеспечивать условия для осуществления преступной деятельности.

Для завоевания авторитета лидерам важно соблюдение традиций преступного мира, а также создание культа собственной личности среди членов преступного сообщества. Преступным лидерам присущи общие качества руководителя (знания, криминальный опыт, интуиция, воля). Однако их выделяют признаки преступного поведения, такие как применение насилия для устранения различных проблем, проявление стяжательства, пренебрежение нормами общественной морали.

В преступных сообществах создается и воспроизводится криминальная субкультура. Отмечается ее широкое проникновение в социальную среду, что создает предпосылки для укрепления влияния преступных лидеров в обществе.

В общественном сознании существует двойственное представление об имидже преступного лидера. С одной стороны, он втягивает других людей в преступную деятельность, с другой — его образ ассоциируется с респектабельностью и богатством.

Результаты анкетирования демонстрируют влияние преступных лидеров не только на преступный мир, но и на общество в целом. Оно проявляется в распространении ложных ценностей криминальной субкультуры. Все это доказывает необходимость оптимизации профилактической работы с представителями групп риска (несовершеннолетние, лица раннего молодежного возраста) и совершенствования деятельности органов публичной власти по предупреждению занятия преступными лидерами высшего положения в преступной иерархии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлаков В.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности / В.Н. Бурлаков, В.Ф. Щепельков // Криминалист. — 2020. — № 2 (31). — С. 14–19.

2. Пантюхина И.В. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) / И.В. Пантюхина, Л.Ю. Ларина. — DOI 10.17803/1729-5920.2020.167.10.159-170 // *Lex Russica*. — 2020. — № 10 (167). — С. 159–170.
3. Скобликов П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики / П.А. Скобликов // *Правопорядок: история, теория, практика*. — 2020. — № 4 (27). — С. 43–51.
4. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности / А.В. Шеслер // *Вестник Кузбасского института*. — 2020. — № 1 (42). — С. 110–123.
5. Коган М.Д. Занятие высшего положения в преступной иерархии: некоторые проблемы применения ст. 210.1. УК РФ / М.Д. Коган. — DOI 10.18411/lj-02-2020-118 // *Тенденции развития науки и образования*. — 2020. — № 58-6. — С. 49–52.
6. Ображиев К.В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений / К.В. Ображиев // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. — 2017. — № 4 (60). — С. 4–13.
7. Cockbain E. Human Trafficking for Labour Exploitation: the Results of a two-phase Systematic Review Mapping the European Evidence Base and Synthesising Key Scientific Research Evidence / E. Cockbain, K. Bowers, G. Dimitrova. — DOI 10.1007/s11292-017-9321-3 // *Journal of Experimental Criminology*. — 2018. — Vol. 14, no. 3. — P. 319–360.
8. Recruitment into Organized Crime: An Agent-Based Approach Testing the Impact of Different Policies / F. Calderoni, G.M. Campedelli, A. Szekely [et al.]. — DOI 10.1007/s10940-020-09489-z // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2021. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10940-020-09489-z>.
9. Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии / А.Н. Мондохонов // *Вестник Бурятского государственного университета*. — 2013. — № 2. — С. 182–184.
10. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями / В.В. Тулегенов // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. — 2005. — № 5 (28). — С. 220–226.
11. Эминов В.Е. Личность преступника и ее формирование / В.Е. Эминов, Ю.М. Антонян // *Актуальные проблемы российского права*. — 2015. — № 1 (50). — С. 37–50.
12. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 уголовного кодекса Российской Федерации) / А.Я. Гришко // *Человек: преступление и наказание*. — 2016. — № 3 (94). — С. 84–88.
13. Application of a Preliminary (pre-trial) Criminal Proceedings Modeling Method / R.G. Khairullina, S.V. Kondratyuk, A.B. Sergeeva, G.M. Iskhakova. — DOI 10.18510/hssr.2019.74158 // *Humanities and Social Sciences Reviews*. — 2019. — Vol. 7, no. 4. — P. 1160–1162.
14. Poppi F.I.M. In Nomine Diaboli: The Ideologies of Organized Crime / F.I.M. Poppi, A. Ardila. — DOI 10.1177/14773708211006642 // *European Journal of Criminology*. — 2021. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/14773708211006642>.
15. Герасимова Е.В. Организованная преступность. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение / Е.В. Герасимова, А.Д. Ченчиковский // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. — 2020. — Т. 1, № 2 (95). — С. 177–188.
16. Евланова О.А. Некоторые проблемы предупреждения современной преступности в России / О.А. Евланова // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. — 2018. — № 2 (64). — С. 79–84.
17. Егорова Н.А. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии / Н.А. Егорова, А.Г. Егоров. — DOI 10.25724/VAMVD.MGHI // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. — 2020. — № 1 (52). — С. 34–44.
18. Жубрин Р.В. Детерминанты преступности в Российской Федерации / Р.В. Жубрин, Н.В. Колесникова, Е.П. Горшечникова // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. — 2019. — № 4 (72). — С. 22–28.
19. Зыков Д.А. Вопросы противодействия организованной преступности / Д.А. Зыков, А.В. Шеслер, С.С. Шеслер // *Вестник Владимирского юридического института*. — 2015. — № 1 (34). — С. 122–125.
20. Кадников Н.Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности / Н.Г. Кадников. — DOI 10.31085/2310-8681-2020-1-207-50-55 // *Союз криминалистов и криминологов*. — 2020. — № 1. — С. 50–55.
21. Correlation of Law and Order in Society / H.V. Gabdrakhman, S.V. Kondratyuk, N.A. Prodanova [et al.]. — DOI 10.46398/cuestpol.3764.03 // *Cuestiones Políticas*. — 2020. — Vol. 37, no. 64. — P. 53–61.
22. Regional Identity and Assessment of the Quality of Life by the Population (In Terms of Empirical Research in the Samara Region) / I. Tsvetkova, T. Ivanova, E. Zhelnina, N. Gorbacheva. — DOI 10.1007/978-3-030-47945-9_80 // *Lecture Notes in Networks and Systems*. — 2020. — Vol. 129 LNNS. — P. 755–763.
23. Mathematical Model-Based Study of the Problem of Collective Effect in Philosophical, Social and Economic Theories / O.S. Evchenko, T.N. Ivanova, N.N. Kosheleva [et al.]. — DOI 10.1007/978-3-030-29586-8_93 // *Lecture Notes in Networks and Systems*. — 2020. — Vol. 87. — P. 817–824.

REFERENCES

1. Burlakov V.N., Shchepelkov V.F. The Position of a Leader in Criminal Community Hierarchy as a Reason for Criminal Responsibility. *Kriminalist = Criminalist*, 2020, no. 2, pp. 14–19. (In Russian).
2. Pantyukhina I.V., Larina L.Yu. Issues of Regulation and Application of the Criminal Law Norm Providing for Responsibility for Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Lex Russica*, 2020, no. 10, pp. 159–170. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.159-170.
3. Skoblikov P.A. First Verdict on Charges of Occupation of the Highest Position in the Criminal Hierarchy: Media Coverage and Importance to Law Enforcement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = The Rule of Law: History, Theory, Practice*, 2020, no. 4, pp. 43–51. (In Russian).

4. Shesler A.V. «Thief in Law»: Criminal Status or Basis of Criminal Liability. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 1, pp. 110–123. (In Russian).
5. Kogan M.D. Occupying the highest position in the criminal hierarchy: some problems of enforcing Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2020, no. 58-6, pp. 49–52. (In Russian). DOI: 10.18411/lj-02-2020-118.
6. Obrazhiev K.V. The Problems of Establishing the Form of Complicity in the Qualification of Group Crimes. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's office*, 2017, no. 4, pp. 4–13. (In Russian).
7. Cockbain E., Bowers K., Dimitrova G. Human Trafficking for Labour Exploitation: the Results of a two-phase Systematic Review Mapping the European Evidence Base and Synthesising Key Scientific Research Evidence. *Journal of Experimental Criminology*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 319–360. DOI: 10.1007/s11292-017-9321-3.
8. Calderoni F., Campedelli G.M., Szekely A., Paolucci M., Andrighetto G. Recruitment into Organized Crime: An Agent-Based Approach Testing the Impact of Different Policies. *Journal of Quantitative Criminology*, 2021. DOI: 10.1007/s10940-020-09489-z.
9. Mondohonov A.N. Peculiarities of Criminal and Legal Status of a Person, Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University*, 2013, no. 2, pp. 182–184. (In Russian).
10. Tulegenov V.V. Criminal Subculture: Notion, Structure and Correlation with Adjacent Notions. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2005, no. 5, pp. 220–226. (In Russian).
11. Eminov V.E., Antonyan Yu.M. Personality of a Criminal and its Formation. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2015, no. 1, pp. 37–50. (In Russian).
12. Grishko A.Ya. Criminological Characteristics of the Person, Holding the Highest Position in the Criminality. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human: Crime and Punishment*, 2016, no. 3, pp. 84–88. (In Russian).
13. Khairullina R.G., Kondratyuk S.V., Sergeeva A.B., Iskhakova G.M. Application of a Preliminary (pre-trial) Criminal Proceedings Modeling Method. *Humanities and Social Sciences Reviews*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 1160–1162.
14. Poppi F.I.M., Ardila A. In Nomine Diaboli: The Ideologies of Organized Crime. *European Journal of Criminology*, 2021. DOI: 10.1177/14773708211006642.
15. Gerasimova E.V., Chenchikovskiy A.D. Organized Crime. The Highest Position in the Criminal Hierarchy: Criminal Law, its Interpretation and Application. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 177–188. (In Russian).
16. Evlanova O.A. Some Problems of Modern Crime Prevention in Russia. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2018, no. 2, pp. 79–84. (In Russian).
17. Egorova N.A., Egorov A.G. Criminal Liability for Occupying a Senior Position in the Criminal Hierarchy: Continuation of the Discussion. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2020, no. 1, pp. 34–44. (In Russian). DOI: 10.25724/VAMVD.MGHI.
18. Zhubrin R.V., Kolesnikova N.V., Gorshechnikova E.P. Crime Determinants in the Russian Federation. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutors Office of the Russian Federation*, 2019, no. 4, pp. 22–28. (In Russian).
19. Zykov D.A., Shesler A.V., Shesler S.S. The Issues of Combating of Organized Crime. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2015, no. 1, pp. 122–125. (In Russian).
20. Kadnikov N.G. Dangerous State of Personality as the Basis of Criminal Responsibility. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 1, pp. 50–55. (In Russian). DOI: 10.31085/2310-8681-2020-1-207-50-55.
21. Gabdrakhman H.V., Kondratyuk S.V., Prodanova N.A., Babalikova I.A., Makaeva K.I., Baishev I.I. Correlation of Law and Order in Society. *Cuestiones Políticas*, 2020, vol. 37, no. 64, pp. 53–61. DOI: 10.46398/cuestpol.3764.03.
22. Tsvetkova I., Ivanova T., Zhelnina E., Gorbacheva N. Regional Identity and Assessment of the Quality of Life by the Population (In Terms of Empirical Research in the Samara Region). *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 129 LNNS, pp. 755–763. DOI: 10.1007/978-3-030-47945-9_80.
23. Evchenko O.S., Ivanova T.N., Kosheleva N.N., Manova M.V., Gorbacheva N.B. Mathematical Model-Based Study of the Problem of Collective Effect in Philosophical, Social and Economic Theories. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 87, pp. 817–824. DOI: 10.1007/978-3-030-29586-8_93.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Меркурьев Виктор Викторович — доктор юридических наук, профессор, Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: merkuriev-vui@mail.ru; SPIN-код: 3506-4571; AuthorID: 382711; ORCID: 0000-0002-1325-5999.

Агапов Павел Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: kafedraup212@mail.ru; SPIN-код: 2252-3680; AuthorID: 254708; ORCID: 0000-0003-1836-1536.

Кондратюк Сергей Викторович — доцент кафедры уголовного права и процесса Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, Российская Феде-

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Merkuryev, Viktor V. — Doctor of Law, Professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: merkuriev-vui@mail.ru; SPIN-code: 3506-4571; AuthorID: 382711; ORCID: 0000-0002-1325-5999.

Agapov, Pavel V. — Doctor of Law, Professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: kafedraup212@mail.ru; SPIN-code: 2252-3680; AuthorID: 254708; ORCID: 0000-0003-1836-1536.

Kondratyuk, Sergey V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Procedure, Togliatti State University, Togliatti, the Russian Federation; e-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru; SPIN-

рация; e-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru; SPIN-код: 6273-2709; AuthorID: 988028; ORCID: 0000-0001-7272-5359.

Тарасов Владимир Юрьевич — старший преподаватель кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности» МИРЭА — Российского технологического университета, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: v.u.tarasov@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Преступное лидерство: опыт социологического исследования / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, С.В. Кондратюк, В.Ю. Тарасов. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).18-29 // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 18–29.

code: 6273-2709; AuthorID: 988028; ORCID: 0000-0001-7272-5359.

Tarasov, Vladimir Yu. — Senior Lecturer, KB-12 Department of Legal Support of National Security, MIREA — Russian Technological University, Moscow, the Russian Federation; e-mail: v.u.tarasov@gmail.com.

FOR CITATION

Merkuryev V.V., Agapov P.V., Kondratyuk S.V., Tarasov V. Yu. Criminal leadership: the experience of sociological research. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 18–29. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).18-29.